

Андрей КРАМЕЧКО

Родился в 1961 году в Медногорске Оренбургской области. Окончил Томский госуниверситет, факультет журналистики. Работал корреспондентом газеты «Рудный Алтай», с 1987 года - собкор республиканский газеты «Экспресс К». Живет в Усть-Каменогорске.

В ЦЕНТРЕ ЕВРАЗИИ

Путешествие

В центре Евразии поневоле становишься мыслителем. Однажды мы уже искали центр Евразии, ошибочно полагая, что он находится на окраине Семя. И наткнулись на него там, где не ждали, – в 180 километрах от города, возле Дома-музея Абая в Жидебае.

– Да вот он! – воскликнул я с тем же восторгом, с каким моряк видит землю после многомесячного плавания по безбрежному океану. – Вот же он, центр континента!

Восточно-Казахстанская область равно удалена от четырех океанов. Точка центра евразийского континента отмечена рядом с Домом-музеем великого казахского поэта Абая. Здесь, на круглом, как земной шар, основании установлена невысокая каменная пирамида с надписью на трех языках: Центр Евразийского континента.

На этот раз мы приехали сюда окольными путями. Проще всего было бы вначале добраться до Семя, а от него – в Жидебай, по тому самому пути, который юный Абай преодолевал на коне за три дня. Мы проехали по алматинской трассе до аула Аршалы (225 км, Жарминский район), после него свернули на проселок с указателем «Дуан Аркабай» и устремились в Абайский район. Места здесь почти безлюдные, в случае поломки автомобиля рассчитывать на чужую помощь не приходилось. Мобильная связь отсутствовала. Так что некоторый риск присутствовал в этом путешествии.

– Кто такой дуан?

– Целитель, – отвечает Алексей.

– Заодно, – говорю, – можно и подлечиться...

Через полсотни километров замечаем жилое строение и старые казахские могилы. Подъезжаем, навстречу выходят бойкая молодая женщина и мужчина с плохими зубами.

– Здесь, – спрашиваю, – живет дуан Аркабай?

И тут выясняется, что знаменитый лекарь умер в 1948 году, похоронен здесь, нам показали его могилу и сообщили, что дух его все еще витает над этими ме-

стами и по-прежнему лечит. Дуан Аркабай каким-то таинственным способом заставлял беременеть бесплодных женщин, обращавшихся к нему за помощью. Чтобы зачать, было достаточно переночевать у Аркабая всего одну ночь. И так до сих пор. Аркабая давно нет, но дело его живет.

После ливня проселок местами размок, и нашу машинку порой кидало из стороны в сторону. Все искупал полынный аромат, тройные радуги над ковыльными сопками, причудливые скалы. Мы собирали, не выходя из машины шампиньоны на обочинах. Фотографировали куликов с длинными носами.

Не у кого даже было спросить, как выехать отсюда. Поплутав минут 10, мы нашли-таки выезд на гравийное шоссе. И вновь устремились к центру евразийского континента.

Жидебай встретил темно-фиолетовыми тучами. Дул пронизывающий ветер.

– Одно слово, зимовка, – говорю я, входя в Дом-музей Абая. Нас снова, как и шесть лет назад, радушно встречает экскурсовод Гульсара Кусаинова. Она не помнит, что мы уже встречались, и с тем же энтузиазмом рассказывает о том, что зимовка в Жидебае была любимейшим местом поэта. Сюда он торопился. Здесь он как бы заряжался чистой энергией космоса, в который теперь устремлены белые башни мавзолея.

От прежнего дома, который был построен по проекту самого поэта, сохранилась только одна стена. Но уцелели многие вещи, которые служили Абаю при жизни. Тюбетейка и серебряный пояс достались ему от отца Кунанбая. Задерживаемся возле седла любимой жены Айгерим. Рассматриваем корешки книг. На письменном столе раскрыты произведения Гоголя и Лермонтова. Абай хорошо знал русскую классику. Можно дотронуться до струн домбры, которая когда-то пела в руках поэта. Впервые мы увидели его рукописи. Все вещи здесь, в центре континента, производят впечатление чего-то настоящего, подлинного, сделанного на века.

Кукушка в старинных часах с гирьками на цепочке прокуковала полдень, и сами собой всплыли строки одного из стихотворений Абая в переводе Евгения Курдакова:

*Стук часов – не робкий шелест забытья,
Это судорожный ропот бытия.
В каждом звуке чья-то жизнь и чья-то смерть,
Не уйти, не обмануть, не претерпеть...*

Хорошо быть гостем. У гостя всегда больше времени, чем у хозяина. Гульсара и остальные сотрудники музея суетились в ожидании приезда важной делегации, а мы, предоставленные сами себе, еще долго ходили по мемориальному комплексу и удивлялись тому, какие глубокие мысли рождаются здесь как бы сами собой. Ну, к примеру, Алексей вдруг сказал, поглядывая на свой мобильник:

– Время тянется, а годы летят...

– Что это, – говорю, – с тобой? Ты стал мыслителем?

– Почему нет? – отвечает мой спутник. – Местоположение обязывает. Центр Евразии, как-никак...

АШУТАС – КОЛЫБЕЛЬ ЖИЗНИ

Разноцветная сопка Ашутас, этот глиняный колосс, точно вождь краснокожих, ошеломляет своей пестрой раскраской. Ашутас, кроме того, имеет международное значение. Это редкий геологический памятник. Чтобы добраться до него, придется обогнуть озеро Зайсан.

Выезжаем утром, к обеду достигаем одинокой глинобитной хаты в местечке Бекет. Когда-то это был обогревательный пункт. Что-то вроде почтовой станции. Зимой водители могли переждать в избушке метель, дожждаться помощи и т.д. Теперь это просто жилище отшельника, который не стал отвечать на наши вопросы, а пошел укрывать полиэтиленом грядки, боясь грозы. Мы быстро перекусили, разложив снесь на капоте «Нивы», и погнали дальше.

Остановились возле старинного мазара с круглой дырой в куполе. Мазар казался таким древним, что даже мысль о глине, замешанной на яйцах динозавра, не казалась слишком фантастической. Мы видели на обочине белого волка. Путешествующий вместе с нами фотограф Владислав Якушкин даже успел сфотографировать его.

Город Зайсан встретил прохладой полноводных арыков. Чтобы разузнать дорогу на Ашутас, зашли в дом бывшего техника снегомерной службы Евгения Алексева. Почти 20 лет он ходил по Кендырлыкскому маршруту. В 1988 году его закрыли, но до сих пор во дворе бывшего техника хранится все необходимое оборудование, все приборы, до последней гайки.

Пьем чай, а хозяин дома рассказывает, как давно-давно по озеру Зайсан ходил колесный пароход «Роза Люксембург».

– Я тогда еще пацаном был, – вспоминает Евгений Николаевич, – на крыше лежим ночью и наблюдаем, как «Роза» плывет. Огней на ней море, вся она сияет. Волна качает пароход, и он то покажется, то скроется. Красота...

Аул Сартерек прежде назывался Пржевальском. Великий путешественник бывал здесь. Бродил по берегам стремительного Кендырлыка, любовался белыми вершинами Саурских гор. На окраине Сартерека стоит заброшенный дом. Говорят, когда-то в нем останавливался сам Пржевальский.

В Зайсане при сносе старого здания рабочие обнаружили три бутылки с сахаром и старое ружье. Историки пришли к выводу, что «Бердан» тоже принадлежал Пржевальскому. Научный сотрудник музея Фемистокл Жунусов рассказал в этой связи, что в середине XIX века здание, в котором были сделаны сенсационные находки, принадлежало старожилу города Андрею Хахлову. Он увлекался пчеловодством, что и объясняет появление бутылок с сахаром – зимней подкормкой для пчел. Что касается ружья, то берданка была подарена Андрею Степановичу Пржевальским за помощь в организации очередной экспедиции в Центральную Азию.

Разузнав дорогу до Ашутаса, мы отправились к знаменитой сопке. Она расположена в долине Черного Иртыша, в 18 км от поселка Буран, рядом с аулом Ордынка.

Ценный палеоботанический памятник природы площадью около 150 гектаров заметен издали. Он возникает внезапно и удивляет так, как если бы вам встретился динозавр. Пейзаж нереальный. Ощущение такое, будто машина времени перенесла тебя на миллионы лет назад. Точно мираж, появляются вдруг разно-

цветные замки из многослойных песчаных и глинистых пород эпохи палеогена. Все они причудливо размыты дождями. Зеленоватые, серые, красно-коричневые и желтые глины. Ашутас возвышается над желтой равниной и зеленой дельтой Черного Иртыша.

В зарослях саксаула нам позирует ярко раскрашенная сизоворонка. Под ногами шмыгают ящерицы-круглоголовки. Слышно, как где-то гремит щитомордник. На вершине сопки мы заглядываем в промытые дождями дыры.

Свое название Ашутас (горький камень) получил из-за серного запаха, выделяемого растительными остатками. Включения органических веществ создают как бы пахнувший гипс, прозрачные осколки которого валяются повсюду. В глинах встречаются обломки костей животных. Ученые обнаружили пыльцу вечнозеленых субтропических растений. В отложениях содержатся отпечатки широколистной флоры, в том числе платана, бамбука, грецкого ореха и даже лавра с магнолией. Есть отпечатки стрекоз Северной Африки.

Прогуливаясь по разноцветным глинам, я вдруг обратил внимание на то, что мои спутники молчат. Это так непохоже на них. Да и у меня самого не было желания обмениваться репликами. На Ашутасе, как выяснилось, важнее разговора само присутствие в этой точке пространства. Здесь ты как бы ведешь диалог с вечностью. Молчание неодушевленного мира воспринимаешь как метафизический вызов. Ты словно возвращаешься в некую колыбель жизни, где у вещей еще не было названий. Когда слова, как такового, еще не существовало. Вслушиваясь в немоту песчаных глыб, мы искали с ними общий язык.

НА ВУЛКАНЕ ПОЗНАНИЯ

Учащиеся и учителя села Рулихи считают, что их школа стоит у подножия потухшего вулкана. Впрочем, зимой охотники видят, как на его вершине, в кратере, курится еле видимый дымок, а от теплых испарений покрываются инеем камни и растения.

С незатухающим вулканом можно сравнить живой интерес к истории, который проявляют практически все жители Рулихи. Они гордятся своим музеем, созданным по инициативе директора школы Зои Исмагуловой. Продолжает это дело ее дочь, учитель математики, истории и географии Ирина Бурлак. Она и поведала нам, что большинство экспонатов принесли в музей сами жители села.

– Наша гордость, – говорит Ирина Михайловна, – обломки глиняного кувшинчика с характерным геометрическим рисунком, свойственным андроновской культуре. Такой рисунок наносится гребенчатым штампом. Ребятишки нашли этот керамический шедевр неподалеку от Рулихи, возле глиняного откоса. У нас есть наконечники стрел из разных эпох. Вот сакская стрела. А вот монгольская. Как она появилась? Житель Рулихи шел по проселку и наступил на какой-то острый предмет, проткнул башмак, мужчина вытащил, промыл в ручье и понял, что его уколола сама история.

Свой свадебный наряд отдала в музей Анастасия Горлова, 1902 года рождения. От кулаков Будниковых осталось зеркало в черной деревянной раме. Когда-то все они, родители, четверо сыновей и 18 внуков, жили на заимке. Раскулачили их по осени. Забрали все. Мужчин увезли, женщины и дети остались. К весне из 18 детей Будниковых 12 умерли от голода.

– И я как представлю, – говорит Ирина Михайловна, – сколько горя повидало это зеркало, то даже боюсь заглядывать в него.

На чердаке старого сельского совета школьники отыскивали расстрельные списки, точнее списки лишенных избирательских прав.

– Когда мы принесли их в музей, – вспоминает учитель И. Бурлак, – то чернила стали проявляться, они поплыли. И стало казаться, что списки эти писали кровью, потому что большинство тех, кого лишили избирательского права, позднее расстреляли.

Жуткая статистика. В 1932 году 75 семей Рулихинского сельского округа были лишены избирательского права, всего 320 человек, в том числе 119 женщин, 134 мужчины, 77 детей до 15 лет, самый пожилой враг Советской власти родился в 1860 году, самому маленькому не было и года.

В геологической коллекции выделяется окаменевшее яйцо динозавра, в нумизматической экспозиции – Екатерининская банкнота, которую когда-то уважительно звали «катенькой».

ОЗЕРО-ДИНОЗАВР

Зайсан богат на сенсации. Не так давно ихтиологи обнаружили в нем крабов, приплывших по Черному Иртышу из Китая.

Озеро, расположенное в тектонической впадине между горами Южного Алтая, Саура и Тарбагатая, не только самое большое в Восточном Казахстане, но и одно из самых древних на планете. Зайсану более 60 млн. лет. По сравнению с ним Байкал, которому всего один млн. лет, мальчик. Зайсан хранит следы пребывания динозавров.

Триста дней в году на Зайсане ясная погода. Солнца здесь больше, чем на южном берегу Крыма! А еще пресная вода! И такая вкусная рыба: окунь, сазан, судак, сорожка...

Зайсан издавна привлекал к себе внимание путешественников. История его изучения связана с именами Н. Пржевальского, В. Сапожникова, А. Седельникова, Г. Потанина.

Каждый год казахстанские ихтиологи изучают гидрологический режим верхний Иртыша, определяют его влияние на рыбные запасы Зайсана. В поисках лагеря ихтиологов нам однажды пришлось изрядно поплутать. Мы переезжали бесчисленные протоки и видели, как бурлят они от идущего на нерест леща.

Площадь бассейна Зайсана – 1,8 тыс. кв. км, глубина – до 10 м. Озеро проточное, в него впадают Черный Иртыш, Кокпекты, Жарма, Кендырлык, а вытекает только Иртыш. После строительства Бухтарминской ГЭС водное пространство озера увеличилось до 5,5 тыс. кв. км. В Зайсане обитают 23 вида рыб (17 – промысловых).

В последние годы акваторию Зайсана жадно делят рыболовецкие артели. Рыбачков развелось так много, что запасы озера изрядно истощились. И теперь, чтобы поймать на спиннинг щуку или окуня, приходится немало потрудиться.

О Зайсане великолепно писал Евгений Курдаков: «Утром открыл палатку и вздрогнул: озеро до самого неба. Никак не могу привыкнуть».

Он ловил щук на тяжелую блесну с большим кованым тройником. Ловил, уходя далеко за границу взмученной воды. Щука чаще брала сразу, после шлепка

блесны. Во время проводки – гораздо реже. Рефлекс на звук не менее важен, чем рефлекс на блеск.

На берегу Зайсана писатель слышал звон миллиардов зеленых полынных комаров. Воздух буквально напитан ими. Это даже не воздух, а живой бульон, взвесь.

– Сколько же жизни на земле! – отметил он в своем путевом блокноте. – Представление о Зайсане, как об озере звенящих колоколов, как все искусственное, тускнеет перед истинным определением: озеро звенящей неистребимой жизни.

На берегу Зайсана время как бы останавливается, его не чувствуешь. Только здесь так явственно ощущается разница между суетой и вечностью.

КАРАБАС-БАРАБАС

Недалеко от Усть-Каменогорска, в Калбинских горах, есть местечко под названием Карабас. В центре его высится гранитный холм с каменной башенкой на вершине. Издали она кажется черной. Отсюда, может быть, название – Черная Голова (Карабас).

Само это слово как будто из детства, из сказки. Вспоминается нарисованный камин, Буратино и страшный дядька с длинной бородой – Карабас-Барабас.

Нашим проводником согласилась стать чемпионка области по спортивному ориентированию Антонина Гаврилова. Родом она из села Ленинки, от которого рукой подать до Карабаса. В детстве Тоня со своими друзьями часто бегала сюда играть.

– Там чудесно! – говорит она. – Я покажу вам лабиринты, разбитое сердце и каменного дельфина.

Теплый день, яркие краски, причудливые скалы – все навевало иллюзию счастья, свободы и вечности. Мысли уносились в прошлое, в детство, когда жизнь казалась такой длинной-длинной, и все утраты еще были впереди. Когда ты еще не подозревал, насколько тонкой и хрупкой может быть эта прозрачная пленка между жизнью и смертью.

Теперь всматриваешься через нее в тот исчезнувший мир, откуда все еще доносятся чьи-то голоса. С трудом различаешь интонации. И слишком поздно понимаешь значение сказанного и сделанного.

Ничего не вернуть. Ничего не исправить.

О Карабас-Барабас...

ОСКОЛОК АНТАРКТИДЫ

Самая восточная окраина республики является одновременно и самой холодной. Здесь, в крохотной деревушке Орловке, расположен так называемый казахстанский полюс холода. Едва открылись дороги, мы направились в этот заполярный край. И с удивлением обнаружили, что живут в нем не пингвины, а черные аисты.

На «Ниве» поднимались по Мраморной горе. С вершины наблюдали песчаные сопки на китайской стороне и зеленую дельту Черного Иртыша – на нашей. В Урунхайке, которая прилепилась на крутом берегу заповедного озера Маркаколь, пересели на уазик. За руль сел заместитель начальника местного лесхоза Досжан Аскерханов, и мы рванули по старой австрийской дороге. Проезжали мимо ли-

стенничного питомника. Осмотрели самый крайний в Казахстане деревянный мост через бурную реку Кабу. Он срублен по старинной технологии, в так называемую лапу, то есть в замок. Теперь так уже не строят. А жаль. Мосту не меньше ста лет, а он как новый.

В Бобровке знакомимся с егерем-богатырем Касымбаем Шариповичем Даутбаевым. Родился он в Орловке. Касымбай чемпион области по армрестлингу. Спортом занялся как бы не по своей воле. Вернулся домой из армии и по комсомольскому заданию отправился на спартакиаду в Лениногорск. Там, на борцовском ковре, завоевал первое место.

– После этого, – говорит Касымбай, – и начали меня по всем соревнованиям таскать. Канат тянул. На армрестлинг взяли. Все тянул. Что надо было, то и поднимал. Мог коня за хвост удержать. Медведь на тропе всегда дорогу уступит. Шесть лет работал молотобойцем в кузнице. Было здоровье. Теперь вот стареть начал..

Смех у Касымбая, несмотря на седую голову, по-прежнему мальчишеский. Вместе с женой они воспитали пятерых детей.

– Что беспокоит? – переспрашивает он. – Люди кочуют. Многие отсюда уезжают. Дома пустеют. А что радует? За 30 лет я столько леса вокруг посадил. Вон там, по низу сопки идет зеленая полоса, так это все мои посадки. Посмотрю на них, и душа поет. Березы, ели, лиственницы..

Сохранился в Бобровке, может быть, последний колесный мастер – Петр Михайлович Гордеев. Кроме него, колеса для телеги уже никто не делает. А он еще и конные сани мастерит, подковы кует. Редкое, скажу вам, ремесло по нынешним временам.

Во Владимировке сохранилось, возможно, самое старое здание пограничной заставы. Его построили еще при царе.

Несмотря на молодую зелень, Владимировка производит грустное зрелище. Зброшенные рубленные дома. Некоторые из них в два этажа. Есть школа, в которую ходят четыре ученика и одна учительница. Магазинов нет, а коммерсанты есть. Чтобы торговать водкой или сигаретами, здесь совсем не обязательно открывать лавку. Местные жители отлично знают, в какой избе можно приобрести тот или иной товар.

Недалеко от Владимировки расположен маральник. Нам показывают ручную маралиху Эмку. Теленком ее выкормили из соски пограничницы. Эмма позволяет погладить себя. Остальные олени поспешили спрятаться за пригорком. Роскошный коттедж, добротные хозяйственные постройки, новенькие ванны для лечения в пантовом отваре – все свидетельствовало о том, что во время срезки молодых рогов сюда приезжают, точнее, прилетают весьма влиятельные особы.

Владимирский лесничий Совет Сапаргалиев охотно рассказывает о житье-бытье:

– Место такое отдаленное, что браконьеров почти нет. Осталось 24 семьи, а порубочный билет могут взять только девять жителей. Остальные не платежеспособны. Денег нет. Вместе со мной всего пять человек имеют работу: учительница, школьный истопник, уборщица, медик и лесник. А всего у нас 73 взрослых жителя. До 1990 года было 67 дворов, осталось 24. Когда-то во Владимировке существовало отделение совхоза. Скот держали, лошадей разводили. Теперь каждый сам по себе. Зимой дороги нет. На лошадях добираемся до Бобровки. Оттуда тоже не всегда уедешь. Сегодня у меня 13 коров, 37 овец и коз, 9 лошадей. А помощников, кроме

жены, нет. Всякое, конечно, бывало. У дочки случился приступ аппендицита. По дороге начался перитонит, слава богу, все обошлось – выжила.

Совет Сапаргалиев перечисляет местных старожиллов – Тихона Зырянова, Анфису Щербинину, Явлину Бердюгину. Упоминает покойного тракториста «дядю Лешу» Жамбасова, который когда-то занимал второе место в районе по подписке. Он один выписывал около сотни изданий, в том числе «Советский экран». На старости лет переехал в город, затосковал и умер, завещая похоронить себя на владимировском кладбище.

– Сегодня, – замечает С. Сапаргалиев, – во всей деревне никто ни одной газеты не выписывает. Дошло до того, что некоторые писать разучились.

Вспоминает Совет пожары, которые прошли здесь два года назад. Местное население героически боролось с огнем, мужики прожгли свои последние штаны и сапоги.

– Компенсации за это, – говорит лесник, – так и не дождались. А ведь обещали. Приезжали чиновники из Курчума (районного центра), я спрашивал на собрании, куда делись деньги, выделенные на пожар? Промолчали. Так ни копейки и не получили.

– Какие перспективы? – спрашиваю. – Что будет с Владимировкой завтра?

– Никто этого не знает, – отвечает Совет. – Живем сегодняшним днем. Высокие чиновники не заезжают. Хотя могли бы. Один раз собрали бы народ, выслушали его беды, а потом сказали, ну, давайте, мужики, вот так и так. Нет, не хотят даже встретиться, не желают выслушать нашу боль. Приедут в маральник, отдохнут и обратно. Спасибо, хоть свет провели. А то дизель бы гудел...

Супруга лесника Галия Сапаргалиева просит власть только об одном:

– Автобус пустить бы до Бобровки, хоть один раз в неделю. До нее 25 км. Не набегаешься...

На всю округу ценится владимировское масло. Коммерсанты скупают его за бесценок – 150 тенге за килограмм.

Дочь Сапаргалиевых не набрала в прошлом году всего один балл, чтобы поступить в университет на бюджетное место. Нынче супруги планируют учить дочку на платной основе. Для этого придется продать половину скота. Что, конечно, не слишком радует. Но Совет не теряет присутствия духа, шутит, смеется от души, фотографируется на память с женой и говорит на прощание:

– В Казахстане войны нет, и дай Бог, чтобы ее никогда не было. Пусть мы еще бедно живем, но дружба человеческая все равно должна остаться. Остальное помаленьку придет...

Орловка спряталась в небольшой горной впадине. Зимой сюда стекается тяжелый холодный воздух. От большого села нынче осталось 25 дворов. Нет ни почты, ни магазинов, ни телеграфа. Сохранилась одна метеостанция. Как вспоминает наш проводник – руководитель снегомерной службы Александр Дюкарев, Орловка – это настоящий полюс холода в Казахстане. В 1969 году был установлен рекордный минимум температуры – 62 градуса ниже нуля. Летом ненадолго устанавливается 40-градусная жара. Амплитуда – сто градусов. Точно такая же разница наблюдается в Антарктиде.

Метеостанция в Орловке была открыта еще в 1908 году. В Восточном Казахстане это единственный пост, где наблюдения за погодой никогда не прекращались. Остальные метеостанции по разным причинам работали с большими перерыва-

ми. Но только в Орловке погоду фиксировали каждый день, начиная с 1908 года. Долгое время там работала династия Шаповаловых. Когда на войну уходил отец, на его место заступала дочь.

Единственный перерыв произошел в 1919 году. Колчаковцы зачем-то арестовали наблюдателя Михеича, привезли в Катон-Карагай, там его опознал пристав и приказал отпустить старика восвояси.

– Это наш человек, – сказал пристав, – он за погодой наблюдает...

Михеич вернулся домой, и синоптический журнал вновь начал заполняться.

На обратном пути заезжаем в пограничную комендатуру. Узнаем, что в этот же день недалеко от Орловки пограничники задержали китайского нарушителя. Это не диверсант. Шпионов здесь давно нет. Границу переходят так называемые колхозники. Китайские чабаны ищут на нашей стороне целебные корни, собирают брошенные рога маралов, охотятся на таежного зверя.

Интервью газете офицеры-пограничники давать не пожелали – разрешения не получили от своих командиров, но без угощения не отпустили. Отведали мы солдатского харча. Хлеб собственной выпечки показался необыкновенно вкусным. С такой сладкой хрустящей корочкой. Понравилось нам и солдатское варенье из кислицы, земляники, ревеня и черемухи.

– А собака Мухтар, – спрашиваю, – у вас есть?

– Конечно, – улыбается лейтенант, – каждой заставе полагается свой Мухтар.

ОСТРОВК ЦИВИЛИЗАЦИИ

Близ озера Маркаколь, в горах, пасечник Николай Лозовой создал островок городской цивилизации. Кроме того, он нашел эффективный способ улучшения работоспособности пчел. Каждое утро он настраивает радиоприемник на «Милицейскую волну» и усиливает громкость.

– Я перебрал весь репертуар, – говорит Николай Степанович, – и выяснил, что лучшая производительность – от «Милицейской волны». Там очень хорошие передачи. Хотя шансон пчелам тоже нравится...

В Сыром Логу устроен быт 21 века. Более десяти лет бесперебойно работает мини-ГЭС. С помощью электричества обогреваются около сотни ульев. Есть телефон: из Сырого Лога можно позвонить в любую точку планеты. Звучит радио, на плазменной панели телевизора можно увидеть передачи более 50 телеканалов. Персональный компьютер подключен к Интернету. Во всей округе возможность выйти во Всемирную паутину есть только у Лозового. Бухгалтера приезжают сюда, чтобы отправить свои отчеты.

Мед у Лозового особый. Мало того что пчелы летают по «Милицейской волне». Николай Степанович использует японскую технологию. Откачивает мед всего один раз – когда завершится медосбор. Когда завянут от заморозков последние цветы. Вот тогда и начинается горячая пора. Многокорпусные ульи разбираются, мед выкачивается и смешивается. В этом соль методики, мед Лозового действительно вбирает в себя нектар всего альпийского разнотравья. Кроме того, этот мед все лето простоял в улье, пчелы полностью приготовили его к зиме, он аккумуляировал все целебные качества. И еще одна особенность «милицейского» меда: он не густеет.

Николай Степанович идет навстречу с широкой улыбкой.

– Проходите, – рокошет его бас. – Не бойтесь. Укус пчелы полезен...

Николай Лозовой работал егерем в охотничьем хозяйстве ЦК Компартии Казахстана, создавал телевидение в Урджарском районе, был директором Маркакольского заповедника и леспромхоза, на пенсии увлекся пчеловодством и перекочевал в Сырой Лог в начале 1990-х годов. Тогда синоптики пророчили сильную засуху. Сырому Логу она не грозила. Здесь всегда прохладно, часто идут дожди, течет ручей, на котором Николай Степанович сразу решил поставить гидростанцию.

С детства Коля Лозовой проявлял любознательность ко всем ремеслам. Получил профессию инженера-электрика. Отлично знает механику. Умеет обращаться с железом. Работал егерем в охотхозяйстве ЦК Компартии Казахстана. Занимался телеавтоматикой. И все свои знания, навыки пригодились ему, когда он взялся обустроить Сырой Лог.

– Если сам себе комфорт не создашь, – любит повторять Николай Степанович, – никто его тебе не создаст...

Мы идем по образцовому ранчо. Все здесь работает на электроэнергию. Как ни странно, не видно ни единого столба. Все провода под землей. Чтобы не портили пейзаж.

Подходим к водозабору ГЭС. Разглядываем обводной канал. Простой механизм (нужно лишь опустить доску) регулирует уровень воды, от которого падает или повышается мощность гидроэлектростанции. В трубу широкого диаметра входит вода, несется вниз и падает на колесо динамомашин. Мощность мини-ГЭС – пять киловатт. Этой энергии хватает, чтобы отапливать дом, смотреть телевизор, печь хлеб в японской машинке. Ванна, титан – к этому тоже привыкли. Поместье огорожено проволокой под небольшим напряжением. Электрический сторож отпугивает медведей. В суровых условиях (весны здесь холодные, затяжные) электрический подогрев ульев помогает матке давать больше расплода, самому расплоду – быстрее набрать силы, сами пчелы меньше болеют.

– У вас, – говорю, – просто универсальная машина для жилья. Вы полностью автономны?

– Да.

– Ни от кого не зависите?

– Абсолютно!

– Какое счастье...

Есть у Лозового и свой спиртоводочный завод. Городскую водку в Сыром Логу не пьют. Только собственного изготовления. Делают и медовуху. Легкую, как шампанское, вкусную, как нектар, полезную, как бальзам. Название у медовухи соответствующее: напиток Богов.

Лозовой первым в этих местах купил спутниковую тарелку, а сегодня вся Успенка нацелена в космос. Спутниковые антенны здесь устанавливает только Николай Степанович. Для этого у него есть специальная мастерская-лаборатория. Во всем Курчумском районе он один настраивает «Орбиты». Кстати говоря, бесплатно.

В пруду Лозового, который он называет Маркаколем в миниатюре, полно ускуча, хариуса. Мальков столько, что дети ловят их руками и запускают в банки-аквариумы.

– Озеро у меня, – говорит Николай Степанович, – волшебное. Кто искупается в нем, тот сразу на повышение идет. Даже вне очереди звезду получает. Вот в прошлом году один начальник из Курчума приезжал. По осени дело было. Он полков-

ник. Хочу, говорит, на пенсию уйти без ЧП, чтобы с почестями. Ну, искупался. С почестями его отправили на заслуженный отдых. Сейчас поплеывает в потолок. Пенсионер. Заслуженный. Другой чиновник искупался, не успел доехать до дома, а уже первым руководителем стал.

– Как, – спрашиваю – объяснить этот феномен? Может быть, у вас там золотая рыбка живет?

– Не знаю! Не знаю. Самое главное, надо поверить мне. А я рассказал вам только факты. Ничего не добавил...

Несколько лет назад Николай Степанович перенес операцию на сердце. Врачи сомневались, сможет ли он жить дальше. Лозовой жив. И чем дальше, тем самочувствие его становится все лучше и лучше. Причин тому много. Это и целебный мед. И воля к жизни. Лозовой постоянно в движении, он устремлен вперед. Это и забота жены Бигайши, которую зовут по-русски Тамарой.

– А сами купаетесь здесь? – спрашиваю я, показывая на озеро. – Какое у вас кровавое желание?

– Помереть, – отвечает, – раньше Тамарки. Чтобы она меня похоронила. Не хочу ее хоронить. Серьезно. Если бы жизнь начать сначала, я все повторил бы. Кроме одного. Первую жену не бросил бы. Молодой был. Бросил. И пошло после этого, поехало все – сикось-накось. Не зря говорят, что первая жена – от Бога, вторая – от людей, третья – от чертей. Про четвертую ничего не сказано.

– Опять от Бога, – подсказываю. – Все ведь по спирали идет...

Утром я искупался в озере Лозового. Не ради звезд на погоны, которых у меня никогда не было. Выкупался ради удовольствия. А на берегу, греясь на солнце, в шутку спросил:

– Может быть, эта услуга платная?

– Мне уже предлагали, – со смехом отвечает Николай Степанович, – деньги брать. Дескать, за звезды надо платить. Но я говорю: а что, если озеро утратит от этого свое волшебство? Это ведь дело такое – нежное...

– Много рыбы? – переспрашивает хозяин. – Да кто считал? Навалом. Я сам иногда беру удочку и ловлю рыбку на жареху. Хотя времени всегда не хватает. Жена не дозвется, если обедать пора. Но если выпадет свободная минута, за компьютер сажусь. Это такая зараза! У меня море игр. Я обожаю их! С внучкой режемся. Она, правда, шустрее...

– Значит, вы довольны жизнью?

– В общем, да.

– В город не тянет переехать?

– Нет. Здесь я Лозовой, здесь мне почет и уважение, а в городе я никто.

На прощание Николай Степанович рассказывает такую притчу:

– На том свете, в небесной канцелярии при рождении всякого нового человека отрывается досье. Лучше бы, конечно, банковский счет. Как в Эмиратах. А у нас – досье. Так вот, все, что говорят о человеке, доходит до небесной канцелярии, и там тщательно фиксируется. Особенно учитываются тосты. Тост – это не просто так. Тосты идут из глубокой древности. Все они фиксируются небесной канцелярией. В критический момент досье открывают, и боги делают вывод: о, столько хорошего о человеке сказано, пусть поживет еще. Иногда даже с того света вытаскивают. Вот и мне сказали: живи, Степаныч...

Живи, живи, как можно дольше, наш старший и мудрый товарищ...

ЧИСТО «ПОЛЯЦКАЯ» ДЕРЕВНЯ

От Усть-Каменогорска до Малоубинки с полсотни километров. Основали деревню в 1787 году вернувшиеся из Польши раскольники. Они приехали по приглашению Екатерины Великой. Многие поселились на Алтае, в том числе в бассейне Убы. Прибывших людей называли поляками. Многие носили польские фамилии. Клиновицких и сегодня здесь почти половина деревни которую этнографы на профессиональном сленге называют «чисто поляцким» (а не польским) поселением.

Учитель истории Тамара Тилле водит нас по музею. Его создали к 120-летию малоубинской школы. Собрано около 300 экспонатов, в том числе старинные польские монеты, которые когда-то привезли с собой первопоселенцы.

Аким Малоубинки Тохтарбек Алимжанов принес в музей бадейку, взялся отремонтировать первый в деревне телефон.

Редкий экспонат – карта Малоубинки, нарисованная в позапрошлом веке топографом Талаповым в масштабе: 200 саженой в английских дюймах. Десятки лет агрономы пользовались этой картой. На ней абсолютно точно, будто при помощи аэросъемки, указаны пастбища, сенокосы и пахотные земли.

Когда в Малоубинку приезжают званые гости, им подают высокий каравай хлеба, испеченный в русской печи. Обычно это делают пенсионерки Анна Ивановна Недобиткова и Елена Михеевна Кривых. Они же угощают гостей пшенной кашей. Истомленная в печи, с маслом и яйцом, эта каша такая вкусная! К чаю подают пареную калину с сахаром.

– Здравствуйте, – приветствует нас бывший учитель Геннадий Анфиногенович Бутаков. И тут же сам себя отрекомендовал: – Перенес, – говорит, – пять инфарктов и уверовал в Бога.

Старый учитель приглашает нас в гости. Показывает свою библиотеку, в которой почти 4000 книг. Они у него везде: и в доме, и на веранде, и в забанике (флигеле за баней).

На пенсии Геннадий Бутаков не скучает. Занимается любимым делом. Разбирает художественные репродукции, переписывает на кассеты свою фонотеку, составляет словарь поэтических рифм.

– Хочу, – говорит он, – облегчить поэтам труд. С моим словарем они будут писать более содержательные стихотворения. Пусть думают только над смыслом, а рифмы – вот они, – и старик потрясает стопкой школьных тетрадей, сплошь заполненных рифмами.

Знания Геннадия Анфиногеновича велики и разнообразны. За консультацией к нему обращаются молодые учителя. Называют его ходячей энциклопедией. Но он не любит, когда его хвалят:

– Не надо меня хвалить. А то воспарю от похвал, как ангел, до самых небес. Не надо гордиться собою. Я лично считаю себя меньше микроба. Кто я такой? Да никто, по сравнению с Богом...

С особым пиететом Геннадий Анфиногенович рассказывает о своей матери Евдокии Мартиновне, которая принадлежала роду сибирского декабриста Батенькова. Замуж выходила «убегом», т.е. против воли родителей. «По морозу босиком» бежала за своим счастьем. И позже всю жизнь хвастала этим:

– Зато, – говорила она, – вышла замуж по любви...

По любви выходили замуж малоубинские девушки за страшного мужика по кличке Синяя Борода.

– Этот тип, – рассказывает Геннадий Анфиногенович, – повесил шесть своих жен. И вот дошла очередь до седьмой. Однажды он говорит: сходи за водой. А воды в доме было много. Она догадалась, что он решил прикантырить ее. Бросилась бежать. Километра два пробежала. Но он все-таки догнал и повесил. Сестра этой несчастной сказала: ну, погоди, змей, я тебе отомщу. Зазвала в гости, подмешала яд в пиво и угостила. Вот какие вещи когда-то творились здесь. Из-за потравленных посевов мужики закалывали вилами соседей в бане.

С тех пор нравы несколько смягчились. Проезжаем мимо бывшей совхозной конторы. Она стоит с проломленной крышей: снега не выдержала. Выяснилось, что в конторе ныне обитают две конкурирующие крестьянские фирмы. Из-за постоянных споров малоубинцы прозвали их красными и белыми. И вот пока они препирались между собой, кому из них первыми сбрасывать снег, кровля и обрушилась.

Четыре года назад сгорел дом у 90-летнего фронтовика Степана Каллистратовича Зиновьева. После этого он вместе с женой Евгенией Никифоровной и кошкой Муркой целых три года жил в бане. Лишь недавно они справили новоселье. Новый дом для них выхлопотали, как говорится, всем миром. Дед счастлив. Конечно, не в такой степени, в какой он был счастлив во время парада Победы в Берлине, но все-таки...

Степан Каллистратович имеет семь боевых наград.

– А с чего, – спрашиваю, – начиналась ваша фронтовая биография?

– Сначала, – рассказывает он, – меня взяли на Дальний Восток. Прошел все Даурские сопки и Маньчжурские пади. С отличием окончил полковую школу, стал кадровым военным. Вернулся домой, и тут Отечественная война началась. Меня сразу на фронт. Под Сталинградом ранили. Войну заканчивал командиром взвода зенитной части. Из зенитки сбил «мессера», за что был награжден орденом Отечественной войны. Орден Красной Звезды получил, когда охранял Керченский пролив, там я сбил «юнкерса». Стрелял я вообще метко. И своих солдат учил сбивать цель с первого снаряда. После войны вернулся в Малоубинку...

Из Малоубинки, между прочим, на фронт ушли и полегли на полях сражений 21 человек. Среди них есть один герой – Клим Клиновицкий. Он взорвал вражеский танк, бросившись под него вместе с гранатами. Его именем названа центральная в Малоубинке улица.

Вот такая она, эта «чисто поляцкая» деревня...

НАЙТИ СВОЕ БЕЛОВОДЬЕ

Давно мечтал я добраться до деревни Фыкалки. Это была первая деревня, которую староверы основали еще в начале 1700-х годов. Считается, что названа она была так потому, что старики, пока дошли до места, порядком пофыкали. Это, возможно, самое высокогорное поселение, где даже огурцы не вызревают.

Сохранилась легенда, что первыми поселились здесь семь бродяг. И была с ними одна женщина, отчего шестеро завидовали седьмому, с которым женщина жила постоянно. И всякий раз, как только он уходил на охоту, к ней заходил то один, то другой бобыль. И она из сострадания (а может и в охотку) принимала

всех, никому не отказывала. Но однажды случайно съехались в избушку все шестеро, а тут еще и муж вернулся. По одной версии, в ссоре из-за бабы они поубивали друг друга, по другой – сметливый хозяин угостил медовухой незваных гостей, а после порезал сонных.

После Фыкалки в долине Бухтармы образовались деревни Печи и Белое (ныне Аксу). Именно отсюда в девятнадцатом веке местные староверы уходили на поиски тихой и укромной страны – светлого Беловодья. «Есть такая страна – говорили они, – где стоят 140 церквей и при них много епископов, которые по святости своей и в мороз ходят босиком. Жизнь там беспечная, а податей никаких. И процветает там ничем не помраченная вера». В поисках страны-призрака бухтарминцы ходили в Китай, там их ловили как беспаспортных и отправляли обратно. Ходили они также в Афганистан и в Индию. Чуть-чуть не дошли до Калькутты. Отличные, видимо, туристы были...

Взяв палатку и спальные мешки, мы тоже отправились на поиски Беловодья в направлении Катон-Карагайского района. От села Согорного асфальт кончился, и наша «Нива» точно припадочная затряслась на кочках. Но пейзаж вокруг, скажу вам, был дивный. Стремительная река, живописные горы, роскошные долины и т.д. В общем, чудная страна.

Первая остановка возле деревни Печи. Перед мостом пограничный пост. Молоденький лейтенант родом из Аягоза Аманжол Кержебаев сначала проверил документы, а затем с доброй улыбкой пожелал хорошего отдыха и с состраданием заметил: «Воображаю, как сложно будет найти подходящие слова для описания столь красивых мест».

Проезжая через Печи, мы полюбовались старым двухэтажным домом с разноцветными наличниками. Пили чай в доме Кайсара Кабдиева. Слушали его правильную русскую речь. Удивлялись чистоте и порядку. И дальше, где приходилось останавливаться, в Белом и Фыкалке, повсюду приятно поражала нас эта наследственная привычка бухтарминцев к щегольству в быту, которую отмечали путешественники сто и двести лет назад. Отметим мы прекрасное знание русского языка казахами, которые в основном и составляют нынче местное население. В шутку одна 65-летняя апайка в Фыкалке сказала о себе:

– Мы не казахи, а кержахи...

Речь этих людей пестрит такими устаревшими словами, как дескать, ведро (в смысле ясно), шайть (гаснуть), энта и т.д.

Учительница села Белое Камар Чиндагатаева рассказала, что живы еще потомки кержаков Шарыповых, Барсуковых, Иониных, Козловых. Но вряд ли кто из них сохранил веру отцов.

– Здешний народ, – спрашиваю, – чем-то отличается?

– У нас, – говорит Камар, – добрые люди. Подтверждается это во время похорон. Одной семье бывает не под силу справиться с бедой. Поэтому мы охотно помогаем продуктами, деньгами. В других селах, говорят, такого нет. Причем у нас не делятся на казахов и русских. Русские сидят у казахов, казахи – у русских. Точно так же и в праздники. Русские отмечают казахские праздники, казахи – русские. У нас все вместе. Много смешанных браков.

– Что помните из детства?

– Как за ягодой ходили. Мы все эти горы облазили. По четыре ведра малины и клубники приносили. На брюхе ползали. А наши дети нам уже не верят. Тогда

казалось, что это была тяжкая повинность. Теперь ностальгия. И еще наша речка Белая. Чтобы пойти купаться, надо заработать. По дому все сделать. Река все искупала. Какое счастье было выкупаться в белых водах...

Говоря о местных староверах, Камар Чиндагатаева вспомнила, что еще в 1970-х годах они не подпускали к себе казахов.

– Дочка Маркела Ивановича, – рассказывает Камар, – со мной училась. Бывало, зайдешь к ним и слышишь: «У-у, нехристь...» А если они кушают, никогда за стол не позовут. Сидишь у порога, как бедная родственница. И я тогда сказала: «Светка, я больше к тебе не буду заходить, когда ты чай пьешь, а то твоя бабушка ругается». – «Она не только ругается, – со смехом ответила Светка, – она даже дверные ручки после тебя моет».

В Белом когда-то все боялись старухи по кличке Атаманиха, которая могла наслать килу, т.е. порчу, после чего у женщины возникала опухоль. А могла и вылечить. Когда Атаманиха умерла, светило яркое солнце, но едва гроб опустили в могилу, разразилась такая сильная гроза, что могилу затопило доверху. И по деревне прошел слух о том, что-де сама земля не захотела принять тело Атаманихи.

Во время войны в Белом не стало хватать мужчин, и тогда староверки стали присушивать к себе молодых казахов. Одна из них была на 25 лет старше мужа. Он несколько раз уходил от нее, но каждый раз начинал тосковать, более того, у него пропадала мужская сила, и он был вынужден вернуться к старой жене.

Преодолев затяжной подъем, мы наконец въехали в Фыкалку. Она выглядела пустынной. Нас встретили одни куры и ленивые собаки. Народ на сенокосе, пояснил семиклассник Асет Бейсенев, который неожиданно появился на резвом коне Чардаре. Асет показал, где находится старое сельское кладбище. Несколько старых крестов, в оградках растет малина. Уцелел один могильный камень с высеченным крестом. Лишайник покрыл цифру 1777. И еще одно слово: ОНА. А кто была та ОНА, неизвестно.

Старик Жакияр Сарсенбаев подрядился изготовить 25 саней. Возле его дома сушатся березовые заготовки на полозья. Мастеров по изготовлению такого нужного транспорта, как сани (зима в Фыкалке длится семь месяцев), не осталось. Так что вся надежда на старину Жакияра. Он не отказывается.

– Без саней, – говорит он, – у нас никак нельзя. Солярки-то нет...

С работой нынче в Фыкалке туго. Тем, кто кормит маралов, платят всего две тысячи тенге в месяц. Этих денег хватает только на курево и куль муки. Сожалеет старик и о том, что нынче, видимо, закроют школу. Осталось в Фыкалке всего девять ребят.

– Укочевали все, – говорит Жакияр. – Скоро Фыкалка совсем исчезнет... А до коллективизации у нас одни кулаки жили. По 25 лошадей в каждом дворе было. Магазин стоял. Хозяин его Андрон Шарыпов в Штаты уехал. Богатый дом был. С балконом. А теперь что? Да ничего. Даже невест не осталось. Медичка есть, а медикаментов нет. Таблеток никаких, хоть умри. Почта в Белом неделю лежит, сюда отправляют с кем попало.

– А про поиски Беловодья что-нибудь слышали?

– Ну, в прошлом году из Зырянска приезжали мужики, вон за ту гору ходили, золото мыли на ручье, но им потом запретили.

– В гости друг к другу ходите?

– Конечно. Когда выпивка есть, обязательно ходим. Пенсию получишь, бутылку или две купишь, выпьешь с устатку, а куда еще?

– Дети есть?

– Ну, да. Дочки у меня, все замуж вышли.

– А сколько дочерей-то?

– Много...

Старик взялся называть населенные пункты, в которых теперь живут его дети и внуки, долго перечислял, спутался, махнул рукой и сказал в заключение:

– Я же говорю, что много. Не считал...

А в Усть-Каменогорске за всю жизнь он был всего один раз. Да и то на похоронах.

Побыв в Беловодье, я с удовольствием ощутил там неспешный ритм жизни. Повсюду разлита атмосфера искренности и простодушия. Хозяйки здесь плачут, если тесто не успеваает подойти к отъезду гостей.

Сдуру я спросил, что думают в Белом по поводу клонирования человека? Выяснилось, что клонирование беловодцам не нравится. А я подумал, что хорошо бы клонировать в свое время такие населенные пункты, как Белое, Фыкалка. Вот была бы действительно обетованная страна. Впрочем, не все еще потеряно.

Глядя на фотографию каменного надгробия в Фыкалке, я все спрашиваю: кто же была эта ОНА? И вдруг меня осенила догадка: а что если это могила той самой первой женщины, которая дарила счастье сразу семи мужикам? Такой бабе, действительно, положен каменный обелиск. Как говорится, за любовь...

МОЛОЧНЫЕ РЕКИ, КИСЕЛЬНЫЕ БЕРЕГА

В старинной деревне Печи, стоящей на берегу молочной реки, до сих пор верят в домовых и русалок.

Деревня с таким теплым названием появилась в 1742 году на берегу стремительной Бухтармы. Местные жители рассказывают, что когда первопоселенцы пришли сюда, то увидели остатки большой глинобитной печки. Возможно, она была построена древними металлургами из таинственного племени Чудь. А возможно, это была та самая печка, на которой ездил Иванушка-дурачок.

Чем лучше узнаешь эти места, тем больше находишь в них сказочных элементов. Белая вода Бухтармы, имеющая ледниковое происхождение, напоминает о молочных реках с кисельными берегами. Знаменитые Рахмановские ключи, в которых из-за радона никто не водится, есть прообраз той самой мертвой воды, которой оживляли былинных богатырей.

О сказках говорил по дороге и наш проводник Меир Токобаев, который вырос в этих местах. Он с любовью рассказывал о своей бабушке Кайныш Сараубаевой, прожившей здесь чуть ли не целый век.

– В детстве, – вспоминает Меир, – мы были уверены, что сказки она сочиняла сама. Позже знакомые сюжеты попадались в учебниках и книгах. О своем детстве она говорила редко. Вскользь упоминала о безбедном существовании. Как и родители, она умела выполнять любую работу – мужскую и женскую. Выдельвала шкуры и сыромятную кожу, шила меховые шапки, валяла кошму, пряла пряжу, вручную ткала половики. Выращивала овощи, косила сено, ходила за скотом и домашней птицей, выпекала хлеб, теребила шерсть, катала валенки, била орехи и собирала

ягоду. Деревянным крючком или спицами вязала носки, варежки, шали. Умела вышивать. А когда ткала очередную алашу из разноцветной пряжи, непременно пропускала сквозную нить – аркау. Между делом бабушка вырастила и поставила на ноги шестерых детей, увидела внуков и правнуков. Ходила и ездила на свадьбы и поминки, много общалась с родственниками и сверстницами. Она научила меня, как нужно правильно колоть поленья. Бабушка умела быть востребованной в любую эпоху и в любом возрасте. Теперь я думаю, каждому ли из нас это по силам?

Когда-то доехать до Печи можно было только верхом. Конная тропа вилась по-над берегом Бухтармы, взбиралась на кручи, петляла между тысячелетними кедрами, кралась по скальным отвесам. Теперь сюда есть дорога. Но она такая неровная, что путешествие на «Ниве» превращается в тяжелое испытание. Съехав с асфальта напротив деревни Согорной, часа через два мы наконец добрались до моста через Бухтарму. Меир показал Нугманову сопку с одинокой могилой наверху. Похоронен там старичок по имени Нугман. Так захотел он, и волю его выполнили.

Полковник КНБ в отставке Кумарбек Омаров в 1970-х годах работал в Печах. Теперь он с нежностью вспоминает местных жителей, которые на первых порах помогали ему с женой так деликатно, что они и не знали, кого благодарить.

– Нам, – рассказывает Кумарбек, – приносили продукты ночью и оставляли на крыльце. Кто-то положит мешок картошки, кто-то – банку меда...

Переехав через мост, останавливаемся возле дома Кайсара Кабдиева. Считается, что это самая старая изба в Печах. Несмотря на отсутствие хозяйки, в жилье царит образцовый порядок. Чисто, как в аптеке. Кайсар угощает нас чаем с вареньем из полевой клубники и рассказывает о некоем Ассоне Зырянове, старообрядческом дьяке, который жил здесь сто лет назад. Была у него своя школа. Лучшим ученикам Ассон выдавал пряники. Выпускники получали похвальные листы. В одном из этих аттестатов указывалось: «Ученик Иван Барсуков 7 января 1914 года соответствовал на вопросы учителя, за что выдается сия грамота. Молодец, молодец, молодец!»

В Печах сохранился обычай красть невест. Но делается это теперь с согласия девушек – для экзотики и романтики. В ЗАГС, расположенный в соседней деревне Коробихе, по старинке едут не на машинах, а верхом. И вообще, здесь чаще можно встретить всадника, чем автолюбителя.

А как уютно было посидеть возле печки в доме Ефросиньи Козловой и услышать рассказ о том, что до революции в бухтарминских деревнях почти все жили богато. Мараловоды держали тысячные стада рогачей, имели по сорок коров и пятьдесят лошадей. Некто Кийсамбек вообще не знал счета своему скоту. Это знали только его пастухи.

В народной памяти сохранилось имя лучшего в округе сказочника Макара Федоровича Жеребятникова. Как вечер, так у него полная изба, все слушают его сказки. Дети сидят, старики внимают. На покосе у костра слушают. Знал Макар сотни сказок о зверях, змеях и колдунах. И до сих пор в Печах верят в русалок. Вот и нынче, говорят, видели над омутами двух красавиц в чешуе. На камнях сидели. А как стали на них глядеть, так они в воду упали. Волосы у русалок распущены, а сами они голые. В воду – бултых, и только волосы поплыли...

